

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 89—101.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 89—101.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.8

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ В РОССИЙСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ В XX — НАЧАЛЕ XXI в.**

*Владимир Алексеевич Смирнов, Владислав Владимирович Груздев,
Владимир Николаевич Ершов*

Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, va_smirnov@ksu.edu.ru

Аннотация. На основе контент-анализа российских книг, опубликованных за период с 1900 по 2019 г. и оцифрованных компанией Google, изучены отдельные аспекты трансформации семьи как социального института. Рассматривается обобщенный образ семьи, выделяются четыре этапа в динамике его представления, тесно связанных с этапами государственной семейной политики. В результате анализа встречаемости терминов, репрезентирующих ключевые семейные роли, делается вывод о воспроизводстве в российском корпусе оцифрованных книг ригидных гендерных моделей семейности. Значимым результатом исследования является обоснование тезиса о рассогласованности обобщенного образа семьи, представленного в литературе в виде концепта «счастливая семья», и дискурсивных моделей семейности, в которых не проявлены ресурсы ее устойчивости. Интериоризация акторами подобных дискурсивных моделей становится значимым фактором разрушения института моногамного брака и появления широкого спектра экспериментов с форматами семейности и близких отношений.

Ключевые слова: семья, модели семьи, литературный дискурс, трансформации семейности

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ по теме «Близкие отношения и семья в жизненном пространстве вызовов современности: совладание, ресурсы, развитие», проект FZEW-2020-0005.

Для цитирования: Смирнов В. А., Груздев В. В., Ершов В. Н. Трансформация семьи в российском литературном дискурсе в XX — начале XXI в. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 89—101.

Original article

SOME ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF FAMILY IN RUSSIAN LITERARY DISCOURSE IN THE XX AND EARLY XXI c.

Vladimir A. Smirnov, Vladislav V. Gruzdev, Vladimir N. Ershov

Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, va_smirnov@ksu.edu.ru

Abstract. Based on the content analysis of Russian books for the period from 1900 to 2019, digitized by Google, the article analyzes certain aspects of the transformation of the family as a social institution. The authors consider the generalized image of the family, highlighting four stages of its presentation, closely related to the state family policy. Based on the analysis of the occurrence of terms representing key family roles, the conclusion is made about the reproduction of rigid gender models of family in the Russian corpus of digitized books. A significant result of the study is the substantiation of the thesis about the mismatch of the generalized image of the family, presented in the literature in the form of the concept of “happy family” and discursive models of family life, in which the resources of its stability are not manifested. The internalization of such discursive models by actors becomes a significant factor in the destruction of the institution of monogamous marriage and the emergence of a wide range of experiments with the formats of family life and close relationships. An important result of the study was also the identification in recent decades of the contradiction between the state discourse, which serves as the justification of family policy and the conceptualizations of the family in the text corpus under study.

Key words: family, family models, literary discourse, transformations of family

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the State Task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation FZEW-2020-0005 “Close relationships and family in the living space of the challenges of our time: coping, resources, development”.

For citation: Smirnov, V. A., Gruzdev, V. V., Ershov, V. N. (2022) Transformatsiia sem'i v rossiiskom literaturnom diskurse v XX — nachale XXI v. [Some aspects of the transformation of family in Russian literary discourse in the XX and early XXI c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 89—101.

Введение

Институт семьи переживает сегодня целый ряд трансформаций. Это и снижение деторождения, и расширение эмоциональных связей между супругами, и появление новых форматов существования пар (чайлдфри, гостевые семьи и т. д.), и различного рода эксперименты с гендером и телесностью (пары трансгендеров, гомосексуальные пары).

Указанные трансформации находятся в фокусе внимания как западных, так и российских исследователей. В то же время, по нашему мнению, сегодня не хватает исследований семейности, которые основаны на данных, полученных с помощью нереактивных методов [Webb et al., 1966], и в которых она рассматривается через призму конкуренции различных дискурсов, формирующих аттитюды

акторов и их модели социального действия. В последние годы в российской социологии семьи все чаще стали появляться работы, основанные на изучении дискурса массмедиа [Ким, 2017; Радина, 2018; Мищенко, 2014] и нарративов [Павлюткин, 2021; Егорова, Шорыгин, 2020], тем не менее их число пока незначительно. Кроме этого, развитие цифровых технологий и больших данных позволяет сегодня анализировать значительные по объему текстовые корпуса самой разной направленности.

Целью статьи является анализ отдельных элементов семейности, представленных в российских книгах за последние более чем сто лет.

Методология исследования

Статья основана на контент-анализе русскоязычного корпуса книг, оцифрованных компанией Google. В выборку вошли издания, официально опубликованные за период с 1900 по 2019 г. Выборка оцифрованных книг включает как художественные, так и публицистические произведения. Сервис не позволяет дать им глубокую оценку, но мы полагаем, что значительный объем текстовых данных предоставляет возможность сделать обоснованные и надежные выводы в рамках настоящего исследования.

Для проведения эмпирического анализа использовался общедоступный интерфейс Google Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams/info>), позволяющий находить релевантные исследовательским задачам термины и визуализировать их посредством линейных диаграмм. Учитывая значительный объем корпуса¹, важно указать, что встречаемость исследуемых концептов в большинстве случаев не превышает 1 %. Однако наши выводы, сделанные в настоящей статье, основываются не на анализе встречаемости. Нас интересует, какова ее динамика в разные годы и как коррелируют между собой частоты употребления терминов, включенных в анализ.

Методологической основой статьи является теория структуризации [Гидденс, 2005]. В нашем понимании, трансформационные процессы во многом обусловлены дискурсивными конструкциями и моделями, которые циркулируют в том или ином обществе, интериоризируются акторами и используются ими (осознанно или неосознанно) для воспроизводства и изменения социальных норм. При этом литература остается тем полем, в котором данные дискурсивные модели проявлены наиболее отчетливо. Модели семейности, представленные в книгах, интериоризируются людьми и становятся своеобразными эвристиками, определяющими их поведение в ситуациях создания пары [Канеман, 2020]. Именно это обстоятельство обусловило выбор информационной базы для настоящей статьи.

Анализировались три смысловых поля.

Во-первых, обобщенный образ семьи. Нас интересовало, каким образом в общественном дискурсе происходило становление и развитие таких концептов, как «традиционная семья», «современная семья», «многодетная семья» и «счастливая семья». Это обусловлено, с одной стороны, дискуссиями о традиционных

---

¹ Общий объем оцифрованных книг в используемом сервисе на основных мировых языках составляет более 25 млн изданий (<https://books.google.com/ngrams/info>).

семейных ценностях [Муравьёва, 2014], с другой — пронаталистским характером семейной политики [Радина, 2018].

Во-вторых, динамика ролевых функций основных членов семьи. Семья как устойчивая социальная группа может существовать только в ситуации, когда в ней эффективно реализуются функции родительства и супружества. Доминирование одной из них приводит к росту дисфункциональности в семье и снижению ее жизнестойкости.

В-третьих, эмоциональная составляющая семейности. Возникновение в середине XIX в. романтического дискурса и практик [Пушкарева и др., 2021], осмысление этого опыта в литературе стало на многие десятилетия определяющим фактором создания пары и семьи.

Выбор данных смысловых полей обусловлен тем, что именно они репрезентируют основные направления трансформации семьи. В частности, в последние десятилетия происходит размывание единой модели семейности (обобщенного образа), что позволяет говорить социологам о появлении «постсемьи» [Beck, Beck-Gernsheim, 2002], возникновении новых форматов партнерств [Шадрина, 2017] и близких отношений [Егорова, Шорыгин, 2020]. Появление новых форм семейности существенным образом влияет на изменение ролевых функций членов партнерства. Происходит трансформация традиционных гендерных ролей, причем даже в достаточно консервативных культурных сообществах [Стародубовская, 2019], развитие новых моделей семейных финансов и управления ими [Clarke, 2002], расширение однополых союзов, требующих нового перераспределения ролей [Кон, 2003]. Что касается эмоциональной составляющей семейности, следует отметить: в последние годы также наметилось увеличение числа исследований, ориентированных на анализ «чувственного» компонента партнерства [Иллуз, 2020].

Операционализация обобщенного образа посредством терминов «традиционная семья», «современная семья», «многодетная семья» и «счастливая семья» обусловлена следующим. Указанные концепты рассматриваются нами как полярные точки двух континуумов: «традиционность — современность» и «многодетность — счастье», что позволяет проанализировать динамику изменения общественного дискурса внутри каждого из них. Такая логика связана с постоянной конкуренцией на уровне дискурсивного и практического сознания указанных пар терминов (и соответственно моделей семейности) и с продолжающейся научной дискуссией по их поводу.

В частности, целый ряд исследований российских социологов демонстрируют амбивалентность сознания россиян. С одной стороны, Россия является страной с высоким уровнем традиционности, с другой — ее жители более толерантно, чем европейцы, относятся к абортам и матерям-одиночкам, при все растающем традиционалистском дискурсе увеличивается количество граждан, лояльно относящихся ко всем формам брака (включая однополые союзы) [Муравьёва, 2014]. Кроме этого, на протяжении нескольких последних десятилетий остается актуальной и научная дискуссия по поводу традиционности/современности семьи как социального института [Beck, Beck-Gernsheim, 2002; Гидденс, 2004], выделения различных ее типов в рамках указанного континуума

(например, традиционная, эгалитарная, смешанная модель семейности [Панкратова, Хасбулатова, 2018]).

Что касается второй пары концептов, то, как справедливо отмечается в целом ряде исследований, семья — это важный источник удовольствия, качества жизни при условии, что в ней удовлетворяются потребности всех ее членов [там же]. Увеличение же числа детей в семье приводит к сокращению ее ресурсов, снижению удовлетворенности жизнью и субъективного переживания счастья, росту домашней нагрузки матери, разрыву супружеских отношений [Павлюткин, 2021]. «Напряженность» между двумя указанными концептами сохраняется и на уровне повседневных практик, когда пара, состоящая в близких отношениях, определяет в качестве приоритетной модели семейности либо супружество (ориентация на личные интересы, самореализацию партнеров и, возможно, одного ребенка), либо родительство (ориентация на многодетность).

Обобщенный образ семьи в литературном дискурсе

На основе проведенного анализа встречаемости терминов, репрезентирующих обобщенный образ семейности, мы выделили четыре этапа, определяющих динамику их использования в литературном дискурсе (табл. 1). Указанные этапы выделены нами эмпирически, при этом стоит отметить, что они в значительной мере совпадают с этапами реализации государственной семейной политики в нашей стране, представленными в работах российских исследователей [Хасбулатова, Смирнова, 2008].

Таблица 1

Средний процент встречаемости анализируемых терминов
в разные периоды (1900—2019 гг.)

Термин	1900—1930 гг.	1931—1975 гг.	1976—2003 гг.	2004—2019 гг.
Традиционная семья	0,001	0,006	0,09	0,2
Современная семья	0,4	0,08	0,3	0,2
Многодетная семья	0,01	0,06	0,4	0,6
Счастливая семья	0,1	0,2	0,6	1,1

В рамках *первого этапа* литературный дискурс сфокусирован вокруг современного характера семьи, который проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, современная семья рассматривается скорее в дисфункциональном ключе, в контексте ее неспособности стать опорой государственности, осуществлять свою воспитательную и социализирующую функцию. Во-вторых, более радикально настроенные авторы определяют современную семью как институт порабощения ее членов, как наиболее консервативную социальную структуру, которая требует своего разрушения. В-третьих, дискурс современности в отношении семьи после революции 1917 г. вплоть до начала 30-х гг.

прошлого века становится основой для реальных социальных экспериментов, ориентированных на изменение традиционных гендерных ролей и апробацию новых моделей семейности.

К началу 1930-х гг. частота употребления термина «современная семья» начинает снижаться. Так, если в 1912 г. он встречается в 0,5 % случаев, то в 1929 г. только в 0,1 %. Важная черта первого этапа — достаточно высокая проявленность термина «счастливая семья». Даже в сложные военные годы он используется в литературе достаточно часто (например, в 1915 г. его встречаемость — 0,1 %), к 30-м гг. прошлого века его встречаемость возрастает значительно (0,2 %) и сохраняется в последующие периоды.

Второй этап — это время доминирования концепта «счастливая семья», встречаемость которого значительно превышает встречаемость других терминов. При этом частота его употребления сохраняет устойчивое положение на протяжении всего этапа.

Примерно с 1948 г. начинает расти встречаемость термина «многодетная семья». Это связано с государственной политикой СССР и демографическим кризисом, вызванным Великой Отечественной войной. Именно в данный период Советское государство постепенно переходит к актуализации тематики многодетности, издав несколько взаимосвязанных указов [там же], что не могло не отразиться в литературе того времени. Со второго этапа тема многодетности становится одной из самых значимых в общественном и политическом дискурсе. Это проявляется на уровне государственной семейной политики до сегодняшнего дня.

Третий этап — время усиленного внимания к семье со стороны государства, общественных институтов, что находит свое отражение на уровне дискурсивного сознания, репрезентированного в литературе. Важной тенденцией данного периода является увеличение встречаемости всех указанных терминов. Динамика роста частоты употребления каждого термина разная, но общая тенденция повышения этой частоты не вызывает сомнений.

Четвертый этап — это период новейшей истории семьи и ее трансформаций, вызванных глобализацией, эскалацией различного рода угроз и больших вызовов. Он характеризуется тремя выраженными тенденциями. Во-первых, ростом встречаемости в литературе термина «счастливая семья». Этот концепт становится доминирующим и отражает особенности трансформации института семьи, который все меньше рассматривается через призму родительства. Основной акцент переносится на психологическое благополучие членов семьи, на получение удовольствия и достижение счастья. Во-вторых, происходит снижение встречаемости термина «многодетная семья». Несмотря на устойчивый интерес государства к теме многодетности, ее актуализация в литературе снижается, на уровне дискурсивного и практического сознания она все более вытесняется идеями гедонизма и комфортных отношений между партнерами. В данном случае мы сталкиваемся с противоречием между направленностью государственной семейной политики и повседневными практиками людей, о чем неоднократно писали российские социологи [Кашина, Клецина, 2021]. В-третьих, начиная с 2003 г. наблюдается тенденция к сближению частот использования таких терминов, как «традиционная семья» и «современная семья». Это связано с актуализацией государственного дискурса традиционности. В данном контексте

«современность» теряет какой-либо содержательный смысл, обозначая лишь конкретный исторический этап, в то время как основной моделью близких отношений становится традиционная семья. При этом отметим, что с точки зрения встречаемости термины «современная семья» и «традиционная семья» существенно уступают концепту «счастливая семья». Дискурс государственной семейной политики с его ориентацией на традиционность, многодетность и пронатализм занимает сегодня в отечественной литературе значительно меньший объем, чем дискурс счастья, психологического благополучия, гедонизма, самореализации.

Концепт «счастливая семья», вошедший в литературу еще в XIX в. и усиленный Советским государством, сегодня репрезентирует процесс деинституционализации семьи в ее классическом виде. Счастливая пара в индивидуализированном обществе все чаще ассоциируется с взаимовыгодным партнерством, которое позволяет достигать самореализации и эмоционального благополучия. Такое партнерство — это всегда комплекс взаимодействий, требующий переговоров и работы над собой [Гидденс, 2004]. В то же время, как мы увидим ниже, внутреннее устройство современной российской семьи не претерпело в литературе каких-либо изменений и по-прежнему базируется на жестких гендерных структурах.

Литературный дискурс на протяжении практически всего XX в. (с 1917 по 1991 г.) определялся и контролировался Советским государством, использующим литературу, кинематограф, искусство как важные инструменты конструирования поведенческих паттернов. Именно поэтому этапы динамики обобщенного образа семьи во многом совпадают с основными этапами семейной политики Советского государства.

Дискурсивные структуры семьи: ролевые функции и дисфункции

Важным аспектом изучения дискурса семейности является анализ стереотипизаций функциональных ролей членов семьи, репрезентированных в литературе. Для решения этой задачи мы проанализировали взаимную встречаемость терминов «жена», «муж», «мать», «отец», «дети (ребенок)», «семья», «любовь» (табл. 2). Термин «любовь» используется нами как концепт для стратификации семейных ролей и обоснования доминирования родительства в противовес супружеству.

Таблица 2

Средние частоты встречаемости терминов,
репрезентирующих основные семейные роли (1900—2019 гг.), %

Термин	Средняя частота
Мать	0,006
Отец	0,006
Дети	0,005
Любовь	0,006
Муж	0,002
Жена	0,004
Семья	0,002

Семья в отечественной литературе предстает как институт деторождения и сопровождения детского транзита. Наиболее часто из анализируемых терминов в литературном дискурсе встречаются «мать», «отец» и «дети», что явно указывает на приоритет функции родительства. При этом тема супружества не просто реже актуализируется, но и носит асимметричный характер. Встречаемость термина «жена» в два раза выше, чем терминов «муж» и «семья», и он чаще употребляется в паре с термином «дети». С точки зрения функции супружества семья предстает как ригидная гендерная структура, где основная обязанность жены — работа о детях, а муж выступает в символической роли главы семьи.

Латентной дисфункцией такой модели является ее неустойчивость. Низкая взаимная встречаемость концептов «муж» и «жена», с одной стороны, и наличие корреляции между терминами «муж» и «семья» — с другой, выступают предикторами распада семьи после реализации ею функции родительства. Что может удерживать мужчину в семье в момент, когда он объективно или субъективно (по его личным ощущениям) перестал идентифицировать себя с отцовством? Скорее всего, ничего. Интерес же к созданию новой пары, а затем и семьи может стать мотивацией для развода с текущим партнером.

Вывод о слабой проявленности тематики супружества подтверждается еще одним обстоятельством. Если к списку анализируемых слов добавить термин «любовь», то можно увидеть, что он коррелирует с тематикой родительства и слабо связан с супружеством. В исследуемом корпусе текстов семья — это пространство детско-родительской любви, в то время как любовь между супругами если и актуализируется, то только в период ухаживаний и до момента появления ребенка. При этом отметим, что именно любовь является одним из важнейших ресурсов для поддержания качества семейной жизни [Панкратова, Хасбулатова, 2018].

Если проанализировать расстояние между точками, репрезентирующими термины «жена», «муж», «дети»², то можно увидеть, что слово «жена» находится на одинаковом расстоянии от каждого из указанных терминов (при этом, например, расстояние между терминами «муж» и «дети» в 6 раз больше). Именно жена выступает ключевым узлом, структурирующим семью. Думается, что здесь мы сталкиваемся со стереотипизацией женской роли в семье, в основе которой лежит идея заботы и о детях, и о муже, и о домашнем хозяйстве. В последние годы выросло число российских исследований, раскрывающих асимметрию при распределении обязанностей между мужем и женой [Малкова, Рощина, 2012; Задворнова, 2014], значительное число социологов констатируют сохранение феномена двойной занятости женщины [Berk, 1985]. Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что на уровне дискурсивных моделей, транслируемых в книгах, этот феномен сохраняется и активно воспроизводится.

Отметим еще один аспект, характеризующий низкую жизнестойкость современной семьи. Ее возникновение предстает как процесс амбивалентный. С одной стороны, женщина по-прежнему представлена в книгах как романтическая героиня, ориентированная на поиск любви (средняя встречаемость терминов «женщина» и «любовь» составляет 0,005 и 0,006 % соответственно),

² В качестве меры оценки расстояния между точками нами использовалось евклидово расстояние.

с другой — мужчине отводится более утилитарная роль принимающего решения, главы семьи, хозяина в доме (средняя встречаемость терминов «мужчина» и «семья» равняется 0,002 %). Налицо противоречие в мотивах создания пары, на чем, собственно, и построено значительное число литературных сюжетов (конфликтов), посвященных семье. В действующем социальном порядке именно женщина играет главную роль в построении романтических отношений, в то время как мужчины оттеснены от чувственной сферы [Гидденс, 2004].

Непреднамеренным последствием циркуляции подобных дискурсивных моделей становится возникновение в современных обществах следующего социального феномена: в создании классической, традиционной семьи основную заинтересованность высказывает мужчина, извлекающий из брака больше пользы, чем женщина. Данный феномен продемонстрирован и обоснован в целом ряде исследований. В одном из них, например, на вопрос «Можно ли жить полноценной и достойной жизнью, не состоя в браке» утвердительно ответили 37 % мужчин и 59 % женщин [Kaufman, Goldscheider, 2007]. Действительно, мужчина, не обремененный домашними делами, имеющий больше возможностей и психологических склонностей для измены партнеру [Buss, Schmitt, 1993] и получающий в семье необходимый уровень комфорта, нередко более заинтересован в браке, нежели женщина. Думается, что немалую роль в расширении спектра экспериментов с близкими отношениями и семейностью, которые мы наблюдаем в современном мире, играют проанализированные концептуализации семьи, циркулирующие в литературном, публицистическом, нормативном, повседневном дискурсах.

Таким образом, сегодня литературный дискурс поставляет российскому обществу зачастую неадекватные модели семейности, фактически обосновывающие практики обретения личностного счастья за пределами моногамного брака.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить противоречие между обобщенным образом семьи, с одной стороны, и содержанием, функциями ключевых семейных акторов, форматом отношений между ними — с другой. Доминирование концепта «счастливая семья» в литературном дискурсе конгруэнтно жизненным стилям человека, при этом в исследованных книгах отсутствуют релевантные современности модели такой семьи. Она по-прежнему концептуализируется как ригидная структура, воспроизводящая гендерное неравенство, асимметричность и пронатализм. Естественным выходом из такого положения является поиск счастья либо за пределами семьи, либо в новых форматах партнерских отношений. Неудивительно, что частота употребления терминов «любовник» и «любовница» в исследуемом корпусе совокупно выросла начиная с 1980 г. почти в 10 раз.

Литературный дискурс практически не содержит моделей развития супружества, сохранения устойчивых эмоциональных связей между партнерами в разных жизненных ситуациях и достижения субъективного счастья в моногамном браке.

Можно констатировать наличие еще одного противоречия — между государственным и литературным дискурсами. Первый базируется на воспроизводстве концептов «традиционная семья», «многодетная семья», второй ориентирован на концепт «счастливая семья», основу которого составляют идеи

удовольствия, гедонизма, равноправия. Мы полагаем, что многие современные эксперименты с форматами семейности связаны с восприятием семьи как пространства счастья в первую очередь для участников пары. Отсюда позднее деторождение, частая смена партнеров, поиск новых чувственных ощущений в гомосексуальных, трансгендерных и других парах. Несомненно, взаимное переплетение различных дискурсов приводит к стратификации российского общества, возникновению в нем полей с разными форматами семейности.

Проведенный анализ позволяет увидеть особенности трансформации института семьи в новом ракурсе, через иную оптику, тем самым давая возможность переосмысления государственной и общественной семейной политики в нашей стране.

Список источников

- Гидденс Э.* Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М.; СПб.: Питер, 2004. 208 с.
- Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Акад. проект, 2005. 528 с.
- Егорова Н. Ю., Шорыгин Е. А.* Партнерство, семья и родительство в нарративах незарегистрированных пар // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 2. С. 239—254.
- Задворнова Ю. С.* Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 51—58.
- Иллуз Е.* Почему любовь ранит?: социологическое объяснение. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с.
- Канеман Д.* Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2020. 704 с.
- Кашина М. А., Клецина И. С.* Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 47—64.
- Ким Н. В.* Женщина в семье: репрезентация семейной политики в российских СМИ до и после 2006 г. // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 64—74.
- Кон И. С.* Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. М.: Олимп: АСТ, 2003. 574 с.
- Малкова М. А., Рощина Я. М.* Типологический анализ домашнего труда в современной российской семье // Мир России. 2012. Т. 20, № 1. 147—166.
- Мищенко В. А.* Образ семьи в средствах массовой информации // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 137—141.
- Муравьева М. Г.* Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 4. С. 625—638.
- Павлюткин И. В.* Как возникает общность в браке: логика взаимности в нарративах жен из многодетных семей // Экономическая социология. 2021. Т. 22, № 4. С. 11—34.
- Панкратова Е. В., Хасбулатова О. А.* Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 43—52.
- Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI—XX веков. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 504 с. (Гендерные исследования).

- Радина Н. К. Независимые медиа и инициативы государственной семейной политики на этапе «пронаталистского поворота» // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 2. С. 295—310.
- Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 1. С. 39—56.
- Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3—14.
- Шадрина А. Не замужем: секс, любовь и семья за пределами брака. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 234 с.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London: Sage, 2002. 221 p.
- Berk S. F. *The Gender Factory*. New York: Plenum Press, 1985. 262 p.
- Buss D. M., Schmitt D. P. Sexual strategies theory: an evolutionary perspective on human mating // *Psychological Review*. 1993. Vol. 100, № 2. P. 204—232.
- Clarke S. Budgetary management in Russian households // *Sociology*. 2002. Vol. 36, № 3. P. 539—557.
- Kaufman G., Goldscheider F. Do men «need» a spouse more than women? // *Sociological Quarterly*. 2007. Vol. 48, № 1. P. 29—46.
- Webb E., Campbell D., Schwartz R. *Unobtrusive Measures: Non Reactive Research in the Social Sciences*. Chicago (IL): Rand McNally, 1966. 237 p.

References

- Beck, U., Beck-Gernsheim, E. (2002) *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*, London: Sage.
- Berk, S. F. (1985) *The Gender Factory*, New York: Plenum Press.
- Buss, D. M., Schmitt, D. P. (1993) Sexual strategies theory: an evolutionary perspective on human mating, *Psychological Review*, vol. 100, no. 2, pp. 204—232.
- Clarke, S. (2002) Budgetary Management in Russian Households, *Sociology*, vol. 36, no. 3, pp. 539—557.
- Egorova, N. Iu., Shorygin, E. A. (2020) Partnĕrstvo, sem'ia i roditel'stvo v narrativakh nezaregistrirrovannykh par [Partnership, family and parenthood in the narratives of unregistered persons], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 18, no. 2, pp. 239—254.
- Giddens, Ė. (2004) *Transformatsiia intimnosti: Seksual'nost', liubov' i ěrotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies], Moscow, St. Petersburg: Piter.
- Giddens, Ė. (2005) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [Organization of society: An essay on the theory of structuration], Moscow: Akademicheskii proekt.
- Illuz, E. (2020) *Pochemu liubov' ranit?: Sotsiologicheskoe ob'iasnenie* [Why love hurts: A sociological explanation], Moscow, Berlin: Direktmedia Publishing.
- Kaneman, D. (2020) *Dumaĭ medlenno... Reshaĭ bystro* [Think slowly... Decide quickly], Moscow: AST.
- Kashina, M. A., Kletsina, I. S. (2021) Modeli sem'i i semeĭnykh otnosheniĭ v gosudarstvennykh dokumentakh po semeĭnoi politike i v predstavleniakh studencheskoĭ molodĕzhi: tochki soprikosnoveniia i raskhozhdeniia [Models of family and family relations in state documents on family policy and in the views of student

- youth: points of contact and divergence], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 47—64.
- Kaufman, G., Goldscheider, F. (2007) Do men “need” a spouse more than women?, *Sociological Quarterly*, vol. 48, no. 1, pp. 29—46.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, A. V. (2008) Ėvoliutsiia gosudarstvennoĭ politiki v otnoshenii sem’i v Rossii v XX — nachale XXI veka: (Istoriko-sotsiologicheskiĭ analiz) [The evolution of state policy towards the family in Russia in the XX — early XXI centuries: (Historical and sociological analysis)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Kim, N. V. (2017) Zhenshchina v sem’e: reprezentatsiia semeĭnoĭ politiki v rossiiskikh SMI do i posle 2006 g. [Woman in the family: representation of family policy in Russian media before and after 2006], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 64—74.
- Kon, I. S. (2003) *Liki i maski odnopoloi liubvi. Lunnyi svet na zare* [Faces and masks of same-sex love. Moonlight at dawn], Moscow: AST.
- Malkova, M. A., Roshchina, Ia. M. (2012) Tipologicheskiĭ analiz domashnego truda v sovremennoi rossiikoĭ sem’e [Typological analysis of domestic work in the modern Russian family], *Mir Rossii*, vol. 20, no. 1, pp. 147—166.
- Mishchenko, V. A. (2014) Obraz sem’i v sredstvakh massovoĭ informatsii [The image of the family in the media], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 137—141.
- Murav’eva, M. G. (2014) Traditsionnye tsennosti i sovremennye sem’i: pravovye podkhody k traditsii i modernu v sovremennoi Rossii [Traditional values and modern families: legal approaches to tradition and modernity in modern Russia], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial’noi politiki*, vol. 12, no. 4, pp. 625—638.
- Pankratova, E. V., Khasbulatova, O. A. (2018) Kontseptsiiia kachestva semeĭnoĭ zhizni v sotsiologii: gendernyiĭ aspekt [The concept of the quality of family life in sociology: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 43—52.
- Pavliutkin, I. V. (2021) Kak vznikhaet obshchnost’ v brake: logika vzaimnosti v narrativakh zhĕn iz mnogodetnykh semeĭ [How community arises in marriage: the logic of reciprocity in the narratives of wives from large families], *Ėkonomicheskaiia sotsiologiia*, vol. 22, no. 4, pp. 11—34.
- Pushkareva, N., Belova, A., Mitsiuk, N. (2021) *Smetaia zaprety: Ocherki russkoĭ seksual’noi kul’tury XI—XX vekov* [Sweeping prohibitions: Essays on Russian sexual culture of the XI—XX centuries], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Radina, N. K. (2018) Nezavisimye media i initsiativy gosudarstvennoĭ semeĭnoĭ politiki na etape “pronatalistskogo povorota” [Independent media and state family policy initiatives at the stage of the “pro-natalist turn”], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial’noi politiki*, vol. 16, no. 2, pp. 295—310.
- Shadrina, A. (2017) *Ne zamuzhem: Seks, liubov’ i sem’ia za predelami braka* [Not married: Sex, love and family out of marriage], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Starodubrovskaiia, I. V. (2019) Krizis traditsionnoi severokavkazskoĭ sem’i v postsovetskiĭ period i ego sotsial’nye posledstviia [The crisis of the traditional North Caucasian family in the Post-Soviet period and its consequences], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial’noi politiki*, vol. 17, no. 1, pp. 39—56.
- Webb, E., Campbell, D., Schwartz, R. (1966) *Unobtrusive Measures: Non Reactive Research in the Social Sciences*, Chicago, IL: Rand McNally.
- Zadvornova, Iu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda v rossiiskoĭ sem’e: gendernye stereotypy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian family: gender stereotypes and current trends], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 51—58.

Статья поступила в редакцию 18.08.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 18.08.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторах / Information about the authors

Смирнов Владимир Алексеевич — доктор социологических наук, доцент, проректор по стратегическим коммуникациям, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, va_smirnov@ksu.edu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation).

Груздев Владислав Владимирович — доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, vgruzdev@ksu.edu.ru (Dr. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor, Vice-Rector for Research, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation).

Ершов Владимир Николаевич — кандидат технических наук, доцент, первый проректор, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия, yvn@ksu.edu.ru (Cand. Sc. (Technical Sc.), Associate Professor, First Vice-Rector, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation).